

# ВЛАДИМИР ГЕРЬЕ

ФРАНЦУЗСКИЙ  
ЭТИК-СОЦИАЛИСТ  
XVIII ВЕКА

# Владимир Иванович Герье Французский этик- социалист XVIII века

[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=25577669](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25577669)

## Аннотация

«В 1787 году, за два года до революции, перед королевской академией „Надписей“ было произнесено, в память одного из, знаменитых писателей того времени, *похвальное*, начинавшееся следующим образом: „Пятнадцать веков весь мир был подернут густым мраком; всякий свет погас; источники нравственности были отравлены; под именем политики чествовалось искусство поработать и обманывать людей; это пагубное искусство было облечено в точные формулы, и развращенные писатели научали честолюбцев быть несправедливыми по принципу и систематично коварными...“»

# Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

# Владимир Герье

## Французский этик- социалист XVIII века

Les Vertus Humaines ont leur délire.

Mably. Oeuvres Comp. T. XV, p. 255.

В 1787 году, за два года до революции, перед королевской академией «Надписей» было произнесено, в память одного из, знаменитых писателей того времени, *похвальное*, начинавшееся следующим образом: «Пятнадцать веков весь мир был подернут густым мраком; всякий свет погас; источники нравственности были отравлены; под именем политики чувствовалось искусство поработать и обманывать людей; это пагубное искусство было облечено в точные формулы, и развращенные писатели научали честолюбцев быть несправедливыми по принципу и систематично коварными. Если некоторые личности силою своего гения и поднимались над всеобщим развратом, то они не были в состоянии исправить свой век, и все их планы погибали вместе с ними. Честолюбие продолжало вводить нас в заблуждение. Открытие нового мира, торговля, художества доставили нам новые богатства и, вместе с тем, вызвали среди нас лишняя потребности и новые пороки. Народы, прежде искавшие себе славы в че-

столюбивых затеях и завоеваниях, теперь стали искать счастья в удовлетворении своего корыстолюбия и в наслаждении роскошью; всякая мера была забыта; золото сделалось божеством для Европы; добродетель превратилась в пустой звук, а честные нравы, преданные забвению, стали предметом презрения и насмешки. Но среди нас явился человек, воспитанный на творениях классиков, который нашел в них следы того небесного идеала, той нравственной красоты, самое чутье которых мы утратили; один из первых между новыми писателями он раскрыл нам тесную связь между этикой и политикой, доказал, что нравы составляют источник и основание общественного благополучия; он призывал всех людей и все общества усвоить себе эту простую и возвышенную в своей простоте идею. Вся его жизнь, все его сочинения, написанные в течение сорока лет, были посвящены развитию этой полезной и плодотворной истины. Свои положения он доказывал опытом всех веков и примером всех народов; все, что он писал, было проникнуто строгим единством, не скажу системы, но учения, от которого он никогда не удалялся. Принципы его были определены; он упорно держался за них, никогда не колеблясь и не блуждая по капризу модных мнений. Он высказывал суровые истины и заявлял их не только сильно и энергично, но иногда и с резкостью, которая есть ничто иное, как негодование добродетели, раздражающейся при виде пороков и несправедливостей; и, тем не менее, в наш век, до крайней степени легкомысленный

и развращенный, он находил друзей и читателей. Таков был мудрый и добродетельный человек, память которого мы собрались почитать»<sup>1</sup>.

Кому воздавал оратор такую торжественную похвалу? Кто разумел он из тех философов XVIII века, которые новизной своих идей прославились во всей Европе и были почитаемы, как благодетели человечества? Большинство современных читателей, даже в самой Франции, затруднилось бы теперь угадать имя писателя, за которым признавалась такая культурная роль, и пришло бы даже в некоторое недоумение, узнавши, что предметом высокопарной речи был аббат Габриель *Бонно де-Мабли*.

Между тем, немного можно указать писателей, которые стояли так высоко в общественном мнении Франции и образованной европейской публики и которые пользовались, в свое время, таким нравственным и ученым авторитетом в глазах людей самых различных взглядов и положений, как именно Мабли. Он был предметом восторженного поклонения в кружках, мечтавших о всеобщем благоденствии на основании нравственного перерождения и переустройства общества; так, к числу самых горячих поклонниц его принадлежала герцогиня д'Анвиль, в салоне которой встречались самые *передовые* люди дореволюционной эпохи, и развивались самые радикальные теории; где, например, молодой Барер, будущий докладчик комитета общественного спасения,

---

<sup>1</sup> Brizard Eloge Historique de Mably.

встречал Кондорсе, Джеферсона и Лафайета и много заслушался об американцах и их *усовершенствованной конституции*<sup>2</sup>. По настоянию влиятельной герцогини и на её деньги, академия устроила конкурс для похвального слова в память Мабли. в этом конкурсе, кроме аббата Бризара, принял участие и известный в свое время историк Левек, слово которого менее патетично, но более богато сведениями о Мабли и критическими суждениями о его ученой деятельности. К Мабли, так же как и к Руссо, обратились польские магнаты с просьбой составить проект государственного устройства для их страны. При французском дворе думали поручить ему воспитание дофина; а сам Людовик XVI так почитал Мабли, что, еще в 1792 году, желая поблагодарить одного преданного ему публициста за представленный им проект, отозвался о последнем, как об образце политики и философии, «который сделал бы честь самому Мабли».

Странный контраст с этим всеобщим сочувствием к Мабли в XVIII веке представляет теперешнее невнимание к нему со стороны его соотечественников<sup>3</sup>. Винить за это следует,

---

<sup>2</sup> Mémoires de Barère I, 376. Герцогиня д'Анвиль была матерью герцога де-Ла-рошфуко, прославившегося своей ультра-либеральной деятельностью в учредительном собрании; она имела несчастье быть свидетельницей его ужасной смерти в Жизоре от рук толпы, подстрекаемой эmissарами парижской коммуны, производшей сентябрьские убийства.

<sup>3</sup> До сих пор, кроме упомянутых двух *похвальных слов* и небольшой статьи в Biographie Universelle, не существует ни одного исследования о жизни и сочинениях писателя, славу которого *конвент* постановил увековечить гробницей в Пантеоне.

конечно, прежде всего историков литературы и политических теорий в XVIII веке, которые обыкновенно довольствуются тем, что изучают произведения и направления только главных деятелей в умственном движении прошлого века, едва касаясь остальных писателей. Так, например, Вильмен, а в наше время Лоран, посвятившие по несколько томов критике литературы XVIII века, оба ограничились знакомством с самой незначительной частью произведений Мабли и потому говорят о нем вскользь. Следствием такого отношения к делу со стороны исследователей является недостаточное знакомство публики с духовной историей французского общества в том веке, который подготовил революцию, и поверхностное представление как о причинах этого переворота, так и об идеях, игравших в нем главную роль.

Особенно ощутителен в генетической истории революции пробел, который обуславливается в ней невниманием к литературной деятельности Мабли. Современный историк, конечно, не присоединится к восторженному отзыву Бризара, даже отбросив риторическую его форму; но, расходясь с автором похвальной речи в оценке его друга и в самых мотивах оценки, он, все-таки, должен будет отвести аббату Мабли одно из самых видных мест в культурной истории Франции и в литературе революционных идей. Не раз делались попытки указать, каким образом отразились на речах и действиях революционного поколения идеи того или другого из главных вождей литературного движения в XVIII веке. Но история



революции представляет нам еще и такие черты и явления, которые нельзя отнести к влиянию Монтескье, энциклопедистов или Руссо, и на которых отражаются непосредственно и ярко образ мысли Мабли и круг идей, в которых он вращался. Влияние Мабли, или, по крайней мере, соответствие между его доктриной и событиями, проходит через всю эпоху французской революции.

Всем до некоторой степени известно, каким революционным ферментом сделалась идея *народовластия*, которой Руссо придал такой конкретный, материальный смысл; как сильно содействовала возбуждению страстей его чувствительная идеализация народных масс; но та политическая формула, основанная на идее господства *законодательной* власти над *исполнительной*, которая послужила рычагом к свержению *старого порядка* и определила характер и все дальнейшее развитие французской *царствующей* демократии, была, как мы увидим ниже, высказана Мабли еще за 20 лет до революции. Господство этой формулы обнимает эпоху национального собрания, а также и законодательного; она сначала послужила средством для мирного уничтожения монархии путем законодательных или конституционных мер, затем, при втором собрании, для неконституционного, насильственного устранения её.

Время конвента было торжеством политической теории, низведшей *исполнительную власть* на степень подчиненного орудия *закона*, воплощаемого в народном собрании, и,

вместе с тем, было эпохой испытания и практической проверки этой теории, сформулированной аббатом Мабли; но в истории конвента мы встречаемся, кроме того, с другой, совершенно различной, стороной учения этого теоретика-моралиста. Относительно эпохи конвента и властвовавших в нем якобинцев до сих пор распространены не только в обществе, но и между специалистами изумительные недоразумения. Недавно переведена на русский язык книга одного английского ученого, где говорится «об очистительном огне якобинства», о том, что «бешеный поток социальной энергии, в которой якобинцы затопили Францию, был столько же необходим для неё, сколько поток варваров был необходим для перерождения римской империи». Слова эти, подтверждают, что самый решительный позитивизм в философии не спасает писателя от не научных суждений и легкомысленных аналогий, как это случилось с ученым Морлем, которому принадлежит приведенное мнение<sup>4</sup>. В основании французского якобинства лежало глубокое противоречие, которое неизбежно должно было довести его представителей до самоистребления и корни которого можно проследить в предшествующей литературе. Согласно между собой в политическом радикализме и стремлении к диктатуре, дружно прибегая к одним и тем же средствам для истребления своих противников, якобинцы совершенно расходились между собой в социальных и этических идеалах. То был, с

---

<sup>4</sup> Морлей. *Дидро и энциклопедисты*. Перев. Неведомского, стр. 251-2.

одной стороны, фанатизм безверия и материалистического благополучия, с другой – фанатизм доктринерной этики, основанной на религиозно-философском начале и на принципах стоическом и аскетическом. Корни последнего направления, насколько оно высказалось в революции, идут от Руссо и преимущественно от Мабли. Если можно говорить в виду безнравственных средств и результатов о нравственной струе среди якобинства, то это должно относиться только к тому направлению его, главным, хотя и не самым благородным, представителем которого явился Робеспьер. Чтобы правильно судить о нравственном и практическом значении этого направления, нужно оторвать его от примеси случайных условий и личного элемента в истории якобинства, а для этого всего удобнее рассмотреть его в сочинениях Мабли.

С идеями Мабли мы встречаемся еще и в ту эпоху революции, когда начал происходить обратный политический процесс и *исполнительная власть* стада, с своей стороны, предписывать *закон* представителям *народа* – во время директории: единственная чисто социалистическая вспышка в прошлом веже – заговор Бабёфа, является попыткой практически осуществить идеал, всего обстоятельнее и реальнее изображенный в сочинениях Мабли.

Произведения этого писателя, впрочем, представляют нам не один только отвлеченно-научный интерес; они важны не только для знакомства с идеалами XVIII века и с историей революции. Вторая половина нашего века снова выдвинула

на первый план проблемы, которыми преимущественно занимался Мабли.

Вопрос об отношении этики к политике, нравственных начал в положительному законодательству возбуждается вновь и требует особенно тщательного внимания в русской публицистике. Вопрос этот можно назвать вечным, т. е. не допускающим никакой абсолютной формулы: политика и этика представляют самостоятельные области; но границы их смежны и могут быть передвигаемы в ту или в другую стороны; всякое практическое разрешение относящихся сюда вопросов должно быть поставлено в зависимость от исторических и экономических условий страны и от нравственной и политической зрелости данного общества. Но именно потому, что этика и политика смежны, всегда будут люди, которые станут искать разрешения политических и нравственных вопросов в отождествлении политики и этики. Неясное отношение к этому вопросу есть основная ошибка той экономической школы, которая вполне справедливо не желает рассматривать человеческое общество только с точки зрения хозяйственного производства, но делает отсюда неправильный вывод, что экономическая наука должна исходить от этических требований. Всякий, кто искал в сочинениях *ученых* представителей *этического социализма* ответа на свои недоумения, согласится, что в них нигде нельзя найти ни точного представления об этике, ни удовлетворительного определения её, и что поэтому все практические выводы,

построенные на таком шатком основании, должны оказаться сбивчивыми и неприловимыми в жизни. У диллетантов же этого направления неизбежная смутность понятий, протекающая от неопределенности начал, высказывается иногда очень наглядно в полном противоречии выводов и положений, когда они, например, вызывают в христианству, как в опоре социалистических учений, или на нравственном требовании любви к ближнему основывают принудительную государственную политику в юридической и финансовой области.

Для выяснения таких недоразумений можем быть особенно полезно изучение теории Мабли, так как у этого писателя вопрос рассмотрен без всяких околичностей и недомолвок, сведен к основным принципам и последовательно проведен до практических требований от политики, которые и могут служить проверкой всему учению.

Недостаточная оценка роди Мабли в умственном движении, подготовившем и направлявшем революцию, объясняется, кроме рутинного способа изучения XVIII столетия, отчасти и положением Мабли среди своего века. Он не приккнул ни в одной из влиятельных литературных партий той эпохи и относился более или менее критически, и даже отрицательно, ко всем господствовавшим тогда направлениям. Он, можно сказать, находился в полной оппозиции во всему своему времени и не скрывал своего презрения в веку *болтовни* и *парадоксов* (*du rabachage et du paradoxe*), кото-

рый признавал за собой право «называться веком просвещения»<sup>5</sup>.

Как суровый моралист и социальный реформатор, желавший, путем упрощения нравов и равенства, довести человечество до общения имущества и общего благоденствия, Мабли возмущался современным ему аристократическим обществом, затонувшим «в роскоши и в пороках»; но не менее глубокая бездна отделяла его от господствующего оппозиционного течения, которое присвоило себе исключительное название *философии* и написало на своем знамени: *просвещение и прогресс*. Мабли ставил ему в упрек отсутствие нравственных принципов, непонимание различия между добром и злом, материалистические инстинкты и стремление к чувственному благополучию, а потому он не хотел признавать «великими философами сотню мелких людей, которым он почти принужден отказать в здравом смысле».

Отношение Мабли к рационалистическому и отрицательному движению, из которого вышли энциклопедисты всего лучше определяется его отношением к патриарху XVIII века, о мотором им часто, и всегда очень резко, говорит в своих сочинениях. Взаимное нерасположение Мабли и Вольтера объясняют их тщеславным самолюбием: Мабли вступился за одного мелкого литератора, которого Вольтер осмеял; раздраженный этим вмешательством, Вольтер задел в стихках

---

<sup>5</sup> Mably. Du Développement, des Progrès et des Bornes de la Raison. Oeuvres. Ed. Paris, an III, t. XV, p. 8.

самого Мабли, — но этого анекдотического факта вовсе не нужно для объяснения их отношений. Для Мабли все должно было быть противно в Вольтере, — как убеждения, так и способ распространения их, как литературные приемы, так и личные вкусы владельца Ферне. Вольтер был в глазах Мабли самым видным представителем тех «софистов», которые развращают нравственные инстинкты людей, ставя им ложные цели и возбуждая в них дурные страсти. Как человек строгих убеждений, из-за них покинувший почетную карьеру, Мабли смотрел с презрением на искусство фернейского философа, который умел идти во главе революционного движения и, в то же время, быть в дружбе с коронованными особами и даже писать стихи в честь г-жи Дюбари. Мабли иронически восклицает: «Сколько разных лиц представляет из себя Вольтер, чтобы нас поучать! Никогда почти не бывая самим собой, он является то богословом, то философом, китайцем, придворным священником короля прусского, индийцем, атеистом, деистом; да чем он не бывал? Он пишет для людей всякого рода, даже таких, для которых шутка или каламбур более убедительны, чем разумный довод». Будучи не только ученым историком, но и критиком, о чем свидетельствует замечательное исследование о древней и современной историографии, Мабли имел в этом сочинении<sup>6</sup> особенно много поводов осуждать Вольтера.

Всего более он укоряет его за непонимание взаимной свя-

---

<sup>6</sup> De la Manière d'Ebrir l'Histoire, p. 348–347, 440–480.

зи человеческих страстей и пороков. Знаменитый «Очерк нравов», представляющий собой один из первых опытов философской истории с точки зрения *просветительного* направления XVIII века, именно за это направление оценивается аббатом Мабли весьма строго. Отсутствие нравственной точки зрения повлекло за собой, по мнению Мабли, сбивчивость понятий и противоречия в суждениях историка: «поэтому он в одной главе макиавелист, в другой – восхваляет честность; ревностный поклонник роскоши, он глумится над правительствами, которые издавали законы для ограничения её, а в другом месте говорит, что швейцарцам были неизвестны науки и искусства, порождаемые роскошью, но что они были мудры и счастливы. Разумные суждения, которые он иногда нечаянно высказывает, служат только доказательством того, как он мало вникает в дело. В его сочинениях можно найти только полуистины, которые становятся заблуждениями, потому что он дает им слишком мало или слишком много веса. Ни в чем он не соблюдает справедливой меры, ничто не изображено у него настоящими красками».

И сам Мабли так сильно увлекался политическими тенденциями, что совершенно извратил политический смысл некоторых эпох, о которых писал; но, при всем этом, он был ученым исследователем и трудолюбиво разрабатывал свой научный материал. Понятно, как ему должны были быть антипатичны та легкость работы, та самоуверенность, заме-



няющая ученость начитанностью, которыми так отличался Вольтер. Мабли нередко пользуется случаем, чтобы сорвать с своего противника маску учености: так, например, он доказывает, что Вольтер или не читал, или не понимал *капитуляриев* Карла Великого, на которые ссылается; в другом случае, Мабли осуждает Вольтера за то, что последний наполнил историю Карла XII совершенно ненужными сведениями, – опустив существенное, «так что герой действует неизвестно из-за чего, а автор следует за ним, как помешанный, который гоняется за другим помешанным»; в совершенное уже негодование приходит Мабли от исторической критики Вольтера, доказывавшего, например, неправдоподобность предания о Лукреции посредством такого аргумента, который Мабли справедливо называет «плохой шуткой, позорной для историка». Цинические выходки Вольтера неподдельно возмущали Мабли; это единственный из известных французов писателей XVIII века, у которого не встречается ничего подобного; но не один только цинизм в мыслях или выражениях Вольтера оскорблял Мабли. Он признавал вообще недостойной серьезного исторического повествования забавную шутку, которой Вольтер владел с такой неподражаемой грацией. «Я мог бы простить ему, – говорит Мабли, – его ложный взгляд на политику, его плохую мораль, его невежество и смелость, с которой он умалывает, искажает и извращает большую часть фактов; но он не хочет примириться с его „неприличным буфонством“; он находит, что „смеяться и шутить

над заблуждениями, которые касаются счастья людей“ есть не только признак плохого вкуса, но свидетельствует об отсутствии прирожденной честности (*d'honnêteté dans Pâme*).

Нравственный риторизм, с которым Мабли относится в Вольтеру, уже показывает, к какому из двух направлений, разделявших общество XVIII века, он более склонялся: к тому ли, которое, руководясь преимущественно рассудком, хотело знать одно только *просвещение* и уничтожить все несогласное с *разумом*, или же Мабли стоял ближе к направлению противоположному, которое относилось скептически и даже отрицательно в философскому просвещению и основанной на нем цивилизации, т. е. к направлению, главой которого был Руссо? Между Мабли и Руссо так много точек соприкосновения, и Мабли является в таких существенных вопросах горячим поборником идей, которые проводил Руссо, что многие считали Мабли продолжателем последнего. Действительно, влияние Руссо на Мабли несомненно; однако, с другой стороны, роль Мабли настолько самостоятельна и оригинальна, что было бы неправильно смотреть на него, как на простого подражателя Руссо. Это заставляет нас остановиться внимательнее на отношениях этих писателей, указать точнее на то, что у Мабли общего с Руссо и в чем он от него отстывает.

Хотя Мабли и начал писать раньше, чем Руссо, образ мысли и направление последнего тотчас отразились на дальнейшей литературной деятельности Мабли; сам Руссо был в

этом настолько убежден, что в своей *Исповеди* назвал вышедшее в 1763 г. сочинение Мабли – *Беседы Фокиона*, – *бессоветной и бесстыдной компиляцией*. в этом отзыве так же мало правды, как во многих других, внушенных автору *Исповеди* его раздраженным самолюбием. Сам Мабли, не объясняя ближе своего отношения к Руссо, упоминает о нем редко и в этих случаях отзывается о нем с уважением; если же отступает от его мнений или даже полемизирует с ним, то не называя его.

Мабли был несомненно образованнее и начитаннее Руссо; он обладал серьезным знакомством с классическими писателями и обширными сведениями в новой исторической литературе. Его жизнь сложилась гораздо благоприятнее, чем у Руссо, для правильного суждения о социальных отношениях; Мабли по рождению принадлежал к тону обществу, к которому тщеславие так влекло и от которого так отталкивало женеvского гражданина., которое он так презирал и которому, вместе с тем, так завидовал; Мабли без борьбы занял такое положение, которое дало ему возможность узнать людей и способы управлять и руководить ими; поэтому увлечение утопическими идеалами имело у Мабли менее основания в личной судьбе, чем страстные парадоксы Руссо. При полном отсутствии чувственности, столь развитой у Руссо, Мабли обладал большей твердостью воли; потому он не находил в самом себе поводов к противоположению рассудка и нравственной совести, какое так часто проявляется в жизни

и в рассуждениях Руссо. Наконец, Мабли совершенно не доставало той чувствительности, которою отличались в XVIII веке даже чисто рассудочные люди. При таких задатках для Мабли было гораздо труднее придти к тому отрицательному взгляду на современное общество и на цивилизацию вообще, к которому непосредственно влекли Руссо его чувствительность, его нервное раздражение, поддерживаемое опытом жизни, его поэтическая фантазия. В виду всего этого, страстная декламация Руссо была, может быть, необходима для того, чтобы увлечь по этому пути Мабли, чтобы произвести в нем тот перелом, который поставил его в оппозицию к современной ему культуре и просветительным стремлениям XVIII века. Но, получив от Руссо толчен в этом направлении, отрицая во имя религиозно-нравственного начала как философию энциклопедистов, так и основанное на свободном труде и личном имуществе общество, признавая нравственность несовместимой с богатством и неравенством, отыскивая свои идеалы за пределами истории человеческой культуры и вне области цивилизации, Мабли сохранил, с одной стороны, большую трезвость, с другой – пошел вперед с догматической рассудочностью, не останавливаясь ни перед чем. Одним словом, он сделался доктринерным теоретиком того направления, вдохновленным пророком которого был Руссо.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.